

ОРИГИНАЛЬНАЯ СТАТЬЯ

DOI: 10.26794/2226-7867-2023-13-3-114-120
УДК 32.019.51(045)

Метод анализа мифов (по Р. Барту) как инструмент для исследования процесса легитимации политической системы на примере переосмысления исторического опыта СССР в современной России*

Е.С. Чимирис

Российская академия наук, Москва, Россия;
Всероссийская академия внешней торговли при Минэкономразвития РФ, Москва, Россия

АННОТАЦИЯ

В данной статье автор делает попытку проанализировать ряд базовых мифов, которые основываются на событиях или особенностях исторических событий периода СССР, но оказывают непосредственное влияние на процесс легитимации современной политической системы России. Актуальность данной темы обусловлена необходимостью научно осмыслить существующий опыт в формировании идейных основ государственности России с учетом запроса на анализ ее генетического кода. Для анализа автором выбраны следующие мифы: «Памятник Гагарину как символ прорывного технологического наследия СССР и России как преемницы этого наследия»; «Экономический рост как символ экономического детерминизма, заложенного идеологией марксизма». Определение механизма формирования мифов на основе исторического опыта СССР позволило выявить перспективные направления для выработки мифов в будущем.

Ключевые слова: миф; легитимность; СССР; семиотика; дискурс

Для цитирования: Чимирис Е.С. Метод анализа мифов (по Р. Барту) как инструмент для исследования процесса легитимации политической системы на примере переосмысления исторического опыта СССР в современной России. *Гуманитарные науки*. 2023;13(3):114-120. DOI: 10.26794/2226-7867-2023-13-3-114-120

ORIGINAL PAPER

Approach to the Method of Myths Analysis (according to R. Bart Methodology) as a Tool for Studying the Process of Legitimation of the Political System on the Example of the Rethinking of the Historical Experience of the USSR in Contemporary Russia**

E.S. Chimiris

Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia;
Russian Foreign Trade Academy, Ministry of Economic Development of the Russian Federation, Moscow, Russia

ABSTRACT

In this article, the author attempts to analyze several basic myths that are based on the events or peculiarities of the historical events of the USSR period, but at the same time have a direct impact on the process of legitimation of the modern political system in Russia. The relevance of this topic is conditioned by the need to scientifically comprehend the existing experience both scientifically and analytically in the formation of the ideological foundations of the statehood of Russia, considering the request for the analysis of the "genetic code" of the Russian political system. As a material for analysis, the author of the article uses generally accepted ideas and artifacts of Russian modernity. The author identified the following three myths for the

* Проект «Генетический код Российской государственности. Политическая система периода СССР» № 122101100042-2 реализован в Институте научной информации по общественным наукам РАН по итогам отбора научных проектов, поддержанных Министерством науки и высшего образования РФ и Экспертным институтом социальных исследований.

** Project "Genetic code of Russian statehood. The Political System of the USSR Period" No. 122101100042-2 was implemented at the Institute of Scientific Information for Social Sciences of the Russian Academy of Sciences following the selection of scientific projects supported by the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation and the Expert Institute for Social Research

analysis: St. George's Ribbon as a symbol of the victory of the USSR over fascism, the Gagarin Monument as a symbol of the breakthrough technological heritage of the USSR and Russia as the successor of this heritage; Economic growth as a symbol of economic determinism embedded in the ideology of Marxism. The identification and determination of the mechanism for the formation of myths based on the historical experience of the USSR has made it possible to identify promising directions for the development of myths in the future.

Keywords: myth; legitimacy; USSR; semiotics; discourse

For citation: Chimiris E.S. Approach to the method of myths analysis (according to R. Bart methodology) as a tool for studying the process of legitimation of the political system on the example of the rethinking of the historical experience of the USSR in contemporary Russia. *Humanitarian sciences*. 2023;13(3):114-120. DOI: 10.26794/2226-7867-2023-13-3-114-120

ВВЕДЕНИЕ

Поиск «генетического кода» российской государственности становится темой, которая активно набирает актуальность как в публичном, так и научном поле. Сама по себе метафора «гена», который считается «вшитым» в политическую и общественную «ткань» российского общества, предопределяет выбор объекта и методов исследования процессов легитимации власти и основ функционирования российского государства. В этой связи поиск метаязыка для описания генетического кода становится одной из важных исследовательских проблем, требующих решения в настоящий момент. В рамках данной статьи автор предпринимает попытку использовать метаязык, предложенный Роланом Бартом [1] для деконструкции и анализа мифов, где используется исторический материал периода СССР, который адаптируется для легитимации политического порядка в современной России.

Отметим, что в данной статье мы не говорим о том, что миф — это некий негативный феномен, структура мифа — один из способов деконструировать образы и смыслы и разобраться в особенностях их функционирования.

ПОДХОДЫ К ПОНИМАНИЮ ЛЕГИТИМАЦИИ ВЛАСТИ В КОНТЕКСТЕ КОГНИТИВНОГО ПОДХОДА

Проблематика легитимности государств была вынесена в научное поле достаточно давно и связана с различными аспектами [2]. Причин, по которым государство может утратить легитимность, множество — это и национальные движения сецессионного характера, и экономические кризисы, и сбои в функционировании институциональных систем и т.п. В связи с этим исследователи пытаются ответить на вопросы: насколько сильным и устойчивым должно быть государство? как обеспечить легитимность институтов в условиях нарастающих внешних и внутренних вызовов и угроз [3].

В рамках политической теории мы можем выявить различные подходы к пониманию и исследованию

легитимности государственной власти и институтов, начиная классическими трудами М. Вебера [4] и его последователей [5] и заканчивая социо-психологическим [6], кросс-национальным [7, 8], когнитивным подходами [9].

Отдельно стоит отметить отечественные разработки концепта легитимности в рамках подходов, базирующихся на анализе политического дискурса [10]. Несомненно, особое внимание российские ученые уделяют процессам легитимации в России как на федеральном уровне, так и в регионах. Особую актуальность вопросы легитимации власти приобретают, когда складывается предреволюционная ситуация и после революции.

В связи с лингвистическим поворотом и переосмыслением роли языка в социально-политических процессах появились дополнительные инструменты для исследования истоков государственности, принятия решений, а также легитимации власти. В рамках когнитивного подхода мы предполагаем, что ключевыми факторами легитимации власти становятся ценности, представления о хорошем и плохом, правильном и неправильном, которые отражены в формальных институтах, а также корпусе неформальных практик и представлений. Во многом в процесс легитимации существующей системы власти вовлечено понимание истории и знаковых исторических событий, которые призваны логическим образом обосновать решения, принимаемые в текущей политической ситуации.

В этой связи возможные санкции за неисполнение установленных правил не являются самым значимым аспектом легитимности власти. В большей степени срабатывает вера в правильность установленных государством и общественной системой правил [11]. Как показал Э. Дюркгейм, общественно одобряемое поведение человека зависит не сколько от угрозы реальных санкций, сколько от силы *социального факта*, который является продуктом коллективного сознания и имеет принудительную силу над индивидом [12]. Если

сила социального факта не ощутима в данный момент, это не значит, что он отсутствует. Индивид принимает нормы и правила, и это не задевает его внутренние установки. Воздействие социальных фактов чаще всего не замечается индивидом, пока он не начинает противиться этому действию. Наличие общественного мнения вынуждает его к совершению определенных поступков. Иными словами, общество задает тот социальный и политический порядок, который становится легитимным для индивида, если он его принимает и если его ценности совпадают с общепризнанными.

Идеи Дюркгейма относительно механизма легитимации получили развитие у ряда современных авторов. Все они так или иначе пишут о легитимности как восприятию существующего порядка в качестве справедливого и правильного в глазах населения. Так, К. Хорн рассматривает легитимность не как индивидуальную установку, а как социальную норму, которая обязывает индивидов к послушанию и поддержке лидера. В свою очередь, выполнение нормы обеспечивается угрозой социальных санкций за невыполнение [13]. Т.Р. Тайлер пишет о том, что ключевой детерминантой легитимности государства является восприятие процесса принятия решений как справедливого. Регулярный опыт использования этих процедур создает социальные ценности, которые побуждают людей чувствовать длительную личную обязанность следовать установленным правилам [14, 15]. Политическая функция власти по управлению обществом приобретает легитимность в том случае, если она отражает идентичность общества [16].

Б. Ротстайн последовательно показывает, что институты электоральной демократии — не единственные определяющие факторы легитимности. Автор отмечает, что многие этнические меньшинства никогда не получают электоральное большинство в демократиях, но, тем не менее, продолжают считать правительство легитимным. Поэтому для легитимности важнее не процедура избрания правительства, а осуществление им честной политики [17].

С точки зрения Р. Баркера, важную роль в формировании легитимности играют элиты и лидеры. Исследователь называет процесс достижения элитами особого, по сравнению с остальными людьми, статуса *эндогенной* легитимацией [18]. Элиты выстраивают такую систему отношений, в которой они занимают особое положение, и именно этот факт предопределяет легитимность их власти.

Если мы ведем речь о правильном и справедливом порядке, то логично было бы поговорить о ценностях. Установленный легитимный порядок должен соответствовать той системе ценностей и верований, которая существует у населения. Согласно П. Бурдьё ценности (или смыслы и понятия) создаются лидерами, которые монополизируют это право. Парадокс заключается в том, что любая группа людей для того, чтобы заявить о своем существовании, вынуждена делегировать часть полномочий по представлению себя лидеру, который тем самым получает власть над этой группой. Однако, с другой стороны, если бы не было группы, то и лидер был бы не нужен, и, следовательно, у него не было бы того ресурса власти, который выражается в формировании смыслов и трактовок. «Обозначающий — это не только тот, кто выражает или представляет означаемую группу, но и тот, благодаря которому группа узнает, что она существует, и кто имеет возможность обеспечить ей видимое существование с помощью мобилизации» [19].

Таким образом мы постепенно подходим к когнитивной концепции легитимности П. Бергера и Т. Лукмана, которые считают, что процесс легитимации состоит в «объяснении» институционального порядка. Однако, по мнению авторов, легитимация — это не только вопрос ценностей, но и формирование системы знания о социальной системе. Знание о социальных ролях, о правильном и неправильном формирует ценностную картину мира. Исследование мифов как семиотических конструкций может приблизить нас к пониманию легитимной картины мира, которая присуща тому или иному обществу на определенном историческом этапе развития.

МИФ КАК ОСНОВА ДЛЯ ЛЕГИТИМАЦИИ ЧЕРЕЗ ДИСКУРС

Миф, предложенный Р. Бартом в качестве метаязыка для описания социальной реальности, представляется одним из таких дискурсивных инструментов, который способен усилить или ослабить легитимацию власти в определенном смысловом контексте. Способность сформировать «сильный» миф во многом определяет успех модели легитимации, избранной элитами.

Язык является важнейшей основой для формирования легитимационных моделей: «Тот, кто обладает властью, в значительной степени определяет употребление и значение слов и выраже-

1. Означающее	2. Означаемое		Язык
3. Знак I. ОЗНАЧАЮЩЕЕ		II. ОЗНАЧАЕМОЕ	
III. ЗНАК			Миф

Рис. 1 / Fig. 1. Конструкция мифа (Р. Барт) Myth Construction (R. Bart)

Источник / Source: [1].

ний» [20]. Различные языковые средства помогают власти задать необходимый тон коммуникации, определить допустимую к использованию терминологию. Формирование легитимности через дискурс основано не только на личных предпочтениях политической элиты, но и на исторических традициях и культурных ценностях. Создание новых институтов, появление нового политического лидера зачастую сопровождается появлением нового дискурсного поля легитимации, принятием новых легитимирующих моделей и мифов [21].

Миф — это коммуникативная система, которая берет факты и знаки и добавляет к ним дополнительные значения, формируя сложные и сильные символические структуры, оказывающие влияние на общественное сознание. Исходным материалом для мифа становятся не только слова и тексты, но и изображения (картины, фотографии, плакаты, памятники), кинофильмы, телепередачи и т.п., иным словом — знаки. В семиотической системе выделяют означающее, означаемое и знак. Миф становится вторичной семиологической системой, а сам знак для него — означающим (рис. 1).

Через призму мифа люди воспринимают мир, в том числе — мир политического. Таким образом, миф формирует отношение к миру и в конечном счете — поведение.

В политической сфере наиболее важными становятся государствообразующие мифы, которые объясняют, почему существует именно такое государство, именно в этих границах, и почему граждане этой страны называют себя именно так, а не иначе. Не последнюю роль в формировании подобных мифов играет трактовка исторических фактов. Рассмотрим несколько вариантов формирования мифов в рамках современной российской семиотической системы на основе фактов советской истории.

СОБЫТИЯ ВРЕМЕН СССР КАК МИФЫ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

Памятник Гагарину

Памятники Юрию Гагарину как человеку, который впервые в истории полетел в Космос — один из

примеров современного мифа в России, который призван поддерживать вполне конкретную смысловую конструкцию для легитимации политической системы (рис. 2).

Данный миф планомерно поддерживает идею о том, что СССР — страна с передовыми космическими технологиями. Россия как преемник СССР также претендует на этот статус. В этой связи показательно, что памятники Гагарину были установлены в разных городах мира: Ираклион (Греция), Хьюстон (США), Карловы Вары (Чехия), Тривандрум (Индия), Монтевидео (Уругвай), Эрфут (Германия), Буэнос-Айрес (Аргентина), Байконур (Казахстан), Берген (Норвегия), а также на Шри-Ланке.

Важно, что полет первого человека в Космос имел общемировое значение для развития научно-технического процесса. Тот факт, что именно советская наука и технологии позволили совершить такой прорыв, делает данное событие особенно важным для демонстрации значимости советского научно-технического наследия во всем мире. В силу того, что базовый миф «Памятник Гагарину» строится на способности страны производить технологические инновации, основная угроза для этой модели мира заключается в способности современной российской науки формировать технологические инновации, которые будут интересны мировому сообществу.

Экономический рост

Миф экономического роста находит свое физическое и символическое воплощение в запросе политической системы на числовые показатели различного рода улучшений в области экономики. Классическим примером формирования данного смыслового поля становится запрос на рост ВВП (рис. 3).

Способ показывать эффективность экономики через постоянный рост ВВП, а не иных показателей (к примеру, уровня образования, развития науки и культуры, технологических инноваций), берет свое начало в экономическом детерминизме, который бал характерен для СССР.

1. Означающее Памятник Гагарину	2. Означаемое Первый человек в Космосе		
3. Знак I. ОЗНАЧАЮЩЕЕ Уникальный первый опыт полета человека в Космос		IV. ОЗНАЧАЕМОЕ Впервые в Космос полетел советский человек	Язык
III. ЗНАК СССР – страна с передовыми космическими технологиями			Миф

Рис. 2 / Fig. 2. Деконструкция мифа «Памятник Гагарину» / Myth Deconstruction “Gagarin’s Monument”

Источник / Source: составлено автором / compiled by the author.

1. Означающее Рост показателей ВВП	2. Означаемое Рост национальной экономики		
3. Знак V. ОЗНАЧАЮЩЕЕ Россия – эффективная развивающаяся экономика		VI. ОЗНАЧАЕМОЕ Решения, принимаемые в области экономики	Язык
III. ЗНАК Россия – перспективная, сильная и самостоятельная экономика			Миф

Рис. 3 / Fig. 3. Деконструкция мифа «Экономический рост» / Myth Deconstruction “Economic Growth”

Источник / Source: составлено автором / compiled by the author.

С одной стороны, примат экономики последовательно и регулярно утверждался в рамках всей системы образования и общественной науки СССР. С другой стороны, сложности в области экономического развития (провалы, перенапряжение сил общества для достижения значимых экономических результатов, стремление догнать и перегнать Запад в области технологий) вызывали постоянный интерес к экономической тематике.

Стоит обратить внимание на то, что все сферы общества рассматриваются через призму экономики: если в образовании и науке есть проблемы, значит, их недостаточно финансируют; экологические проблемы возникают, потому что бизнесу экономически невыгодно ими заниматься. Наследие экономического детерминизма, прочно усвоенного в период СССР, до сих пор с нами в нашем повседневном и профессиональном дискурсе [22].

В силу того, что данный миф прочно укоренен в семиотическом поле России, его важно учитывать при поиске и формировании «генетического кода» российской государственности.

ВЫВОДЫ

В данной статье предпринята попытка рассмотрения двух мифов, которые уходят корнями в историю СССР, но оказывают влияние на про-

цесс легитимации современной политической системы России. Мифы «Памятник Гагарину» и «Экономический рост» в терминологии Р. Барта являются «сильными», они эффективно помогают объяснять происходящее и расставлять акценты и приоритеты. Эти мифы прочно вплетены в ткань общественного сознания и тем самым поддерживают и структурируют понимание повседневности и политических процессов.

Однако каждый миф имеет ограниченный срок актуальности, и перемены во внешней среде рано или поздно приведут к необходимости выработки новых — для поддержания социальной структуры общества. Предварительно можно отметить, что таковым может стать история о достижениях культуры и искусства периода СССР, которые важно помнить, развивать на их базе новые направления и форматы, выходить на мировой уровень. Еще одним вариантом потенциально успешного мифа может стать система высшего образования, которая в свое время помогла СССР сформировать новое поколение интеллигенции после массового оттока людей интеллектуального труда за рубеж во время Революции и Гражданской войны. Данный список можно дополнять, поскольку многие аспекты истории СССР пока не нашли должного отображения и переосмысления в современном общественно-политическом дискурсе.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Барт Р. Мифологии. М.: Академический проект; 2008. 351 с.
2. Хабермас Ю. Европейское национальное государство: его достижения и пределы. О прошлом и будущем суверенитета и гражданства. URL: https://travellingscience.blogspot.com/2013/11/blog-post_5995.html
3. Fukuyama F. State Building. Governance and World Order in the Twentieth-First Century. DOI: <https://doi.org/10.7591/9780801455360>
4. Вебер М. Избранные произведения. М.: Прогресс; 1990.
5. Истон Д. Категории системного анализа политики. Пер. с англ. Зубова К.А. *Антология мировой политической мысли*. 1997;(2):630–642.
6. Canetti E. *Crowds and Power*. England: Middlesex; Victoria; 1973.
7. Gilley B. The meaning and measure of state legitimacy: Results for 72 countries. *European Journal of Political Research*. 2006;(45):499–525. DOI: <https://doi.org/10.1111/j.1475-6765.2006.00307.x>
8. Hegtvedt K.A., Johnson C. Power and Justice: Toward an Understanding of Legitimacy. *American Behavioral Scientist*. 2009;53(3):376–399. DOI: <https://doi.org/10.1177/0002764209338798>
9. Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности: трактат по социологии знания. М.: Медиум; 1995.
10. Завершинский К.Ф. Легитимность: генезис, становление и развитие концепта. *Полис*. 2001;(2):113–131.
11. Hetcher M. Legitimacy in the Modern World. *American Behavioral Scientist*. 2009;53(3):280–287.
12. Дюркгейм Э. О разделении общественного труда. М.: Канон; 1996.
13. Horne C.A. Social Norms Approach to Legitimacy. *American Behavioral Scientist*. 2009;53(3):400–415. DOI: <https://doi.org/10.1177/0002764209338799>
14. Tyler T.R. A psychological perspective on the legitimacy of institutions and authorities. *The psychology of legitimacy: Emerging perspectives on ideology, justice, and intergroup relations*. 2001;57(1):416–436. DOI: <https://doi.org/10.2307/1191958>
15. Tyler T.R. Psychological perspectives on legitimacy and legitimation. *Annual Review of Psychology*. 2006;(57):375–400. DOI: <https://doi.org/10.1146/annurev.psych.57.102904.190038>
16. Coicaud J.M. Legitimacy and Politics. A Contribution to the Study of Political Right and Political Responsibility. Cambridge: Cambridge University Press; 1997.
17. Rothstein B. Creating Political Legitimacy. Electoral Democracy Versus Quality of Government. *American Behavioral Scientist*. 2009;53(3):311–330. DOI: <https://doi.org/10.2139/ssrn.1338615>
18. Barker R. Legitimizing Identities. The Self-Presentation of Rulers and Subjects. Cambridge: Cambridge University Press; 2001. DOI: <https://doi.org/10.1017/cbo9780511490163>
19. Бурдьё П. Социология социального пространства. Пер. с фр. М.: Социо-Логос; 2007.
20. Блакар Р.М. Язык как инструмент социальной власти. URL: https://www.studmed.ru/view/blakar-rm-yazyk-kak-instrument-socialnoy-vlasti_5562e1ca816.html
21. Leeuwen T.V. Legitimation in Discourse and Communication. *Discourse & Communication*. 2007;1(1):91–112. DOI: <https://doi.org/10.1177/1750481307071986>
22. Бирюков Н.И., Сергеев В.М. Становление институтов представительной власти в современной России. М.: Издательский сервис; 2004.

REFERENCES

1. Bart R. Mythologies. Moscow: Academic project; 2008. 351 p. (In Russ.).
2. Habermas Yu. The European Nation State: Its Achievements and Limits. On the Past and Future of Sovereignty and Citizenship. Nations and Nationalism. Moscow; 2002:364–381. (In Russ.).
3. Fukuyama F. State Building. Governance and World Order in the Twentieth-First Century. 2004. DOI: <https://doi.org/10.7591/9780801455360>
4. Weber M. Selected works. Moscow; 1990. (In Russ.).
5. Easton D. Categories of systemic policy analysis. *Anthology of world political thought*. Moscow: 1997;(2):630–642. (In Russ.).
6. Canetti E. *Crowds and Power*. England, Middlesex; Victoria. 1973.
7. Gilley B. The meaning and measure of state legitimacy: Results for 72 countries. *European Journal of Political Research*. 2006;45:499–525. DOI: <https://doi.org/10.1111/j.1475-6765.2006.00307.x>

8. Hegtvedt K.A., Johnson C. Power and Justice: Toward an Understanding of Legitimacy. *American Behavioral Scientist*. 2009;53(3):376–399. DOI: <https://doi.org/10.1177/0002764209338798>
9. Berger P., Lukman T. Social construction of reality: a treatise on the sociology of knowledge. Moscow; 1995. (In Russ.).
10. Zavershinskiy K.F. Legitimacy: genesis, formation, and development of the concept. *Polis. Political Studies*. 2001;2:113–131. (In Russ.).
11. Hetcher M. Legitimacy in the Modern World. *American Behavioral Scientist*. 2009;53(3):280–287.
12. Durkheim E. On the Division of Social Labor. Moscow; 1996. (In Russ.).
13. Horne C.A. Social Norms Approach to Legitimacy. *American Behavioral Scientist*. 2009;53(3):400–415. DOI: <https://doi.org/10.1177/0002764209338799>
14. Tyler T.R. A psychological perspective on the legitimacy of institutions and authorities. *The psychology of legitimacy: Emerging perspectives on ideology, justice, and intergroup relations*. J.T. Jost & B. Major, eds. Cambridge, UK; 2001:416–436. DOI: <https://doi.org/10.2307/1191958>
15. Tyler T.R. Psychological perspectives on legitimacy and legitimation. *Annual Review of Psychology*. 2006;(57):375–400. DOI: <https://doi.org/10.1146/annurev.psych.57.102904.190038>
16. Coicaud J.M. Legitimacy and Politics. A Contribution to the Study of Political Right and Political Responsibility. Cambridge; 1997.
17. Rothstein B. Creating Political Legitimacy. Electoral Democracy Versus Quality of Government. *American Behavioral Scientist*. 2009;53(3):311–330. DOI: <https://doi.org/10.2139/ssrn.1338615>
18. Barker R. Legitimizing Identities. The Self-Presentation of Rulers and Subjects. Cambridge; 2001:9–10. DOI: <https://doi.org/10.1017/cbo9780511490163>
19. Bourdieu P. Sociology of Social Space. Moscow; 2007. (In Russ.).
20. Blakar R.M. Language as an instrument of social power. *Language and modeling of social interaction*. Moscow; 1987:88–124. (In Russ.).
21. Leeuwen T.V. Legitimation in Discourse and Communication. *Discourse & Communication*. 2007;1(1):91–112. DOI: <https://doi.org/10.1177/1750481307071986>
22. Biryukov N.I., Sergeev V.M. Formation of institutions of representative power in modern Russia. Moscow: Publishing service; 2004. (In Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / ABOUT THE AUTHOR

Екатерина Сергеевна Чимириц — научный сотрудник отдела глобальных проблем, Институт научной информации по общественным наукам Российской академии наук, Москва, Россия; руководитель Центра социально-политических исследований, Институт развития интеграционных процессов Всероссийской академии внешней торговли при Минэкономразвития РФ, Москва, Россия

Ekaterina S. Chimiris — research associate of the Department of Global Issues, Institute of Scientific Information for Social Sciences of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia; Head of the Center for Social and Political Studies, Institute for Integration Processes Research and development, Russian Foreign Trade Academy, Ministry of Economic Development of the Russian Federation, Moscow, Russia
<https://orcid.org/0000-0002-9837-8014>
chimiris@gmail.com

Конфликт интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.
Conflicts of Interest Statement: The author has no conflicts of interest to declare.

Статья поступила 13.04.2023; принята к публикации 20.05.2023.
Автор прочитала и одобрила окончательный вариант рукописи.
The article was received on 13.04.2023; accepted for publication on 20.05.2023.
The author read and approved the final version of the manuscript.